

бедные, богатые, нищие в удмуртской деревне: исторические и современные интерпретации

Г. А. Никитина,
доктор исторических наук, профессор
Удмуртского института истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Удмуртия)

(Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных

Одним из последствий социальных трансформаций, переживаемых современным российским обществом, стала его поляризация, которая остро актуализировала проблему социального неравенства в глазах научного сообщества. Интерес ученых к названной проблеме обусловлен не только чисто научными соображениями, но и гражданской озабоченностью состоянием российского общества, его будущим. По мнению одного из отечественных философов А. Л. Андреева, «...образ современной России как страны, разделенной на очень богатых и очень бедных... не способствует ни поддержанию достигнутой в последние годы относительной социальной стабильности, ни укреплению авторитета страны как одного из ведущих членов мирового сообщества»¹.

К изучению проблемы людей, принадлежащих к одному социуму, но занимающих в нем разные социальные позиции, можно подойти с разных сторон, используя различные критерии объективного и субъективного характера. Например, авторитетный отечественный социолог Н. Е. Тихонова и ее коллеги, считая наиболее распространенный классовый подход для исследования современной России относительно неэффективным, обратились к стратификационному методу, взяв за основной критерий построения модели стратификации российского общества уровень жизни населения. Такой подход позволил им создать объемный социальный портрет социума, проходящего через трудности экономических преобразований². По

мнению Л. А. Беляевой, при анализе социальной структуры российского общества новые возможности открываются в случае подхода к крупным слоям с точки зрения их самоидентификации. Подобный метод, полагает исследователь, наиболее полно был реализован коллективом авторов под руководством М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой в книге «Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс» (М., 2004)³.

Анализ социальных слоев «изнутри», т. е. через представления людей о бедности и богатстве, их восприятие и оценку состояний, источников, причин социального неравенства, автору заявленной статьи видится достаточно продуктивным. Он позволяет уловить нюансы психологического состояния общества, степень толерантности/интолерантности во взаимоотношениях социально неравных людей, от которой, в свою очередь, зависит устойчивость или уязвимость социальной стабильности социума. Заманчивой кажется и перспектива получить ответ на вопрос, укоренилось ли в современной деревне представление о том, что ценность любого человека определяется прежде всего качеством и количеством тех предметов, которыми он владеет.

Объектом внимания автора стали сельские удмурты, а предметом изучения — их представления о бедности, богатстве и нищете, отношении к состоянию социального неравенства. Эмпирическую базу исследования составили полевые этнографические материалы, собранные в

© Г. А. Никитина, 2008

жались значительно дольше, чем среди русских. Раздоры и ссоры в семьях осуждались народом, так как угрожали благополучию, стабильности и согласованности хозяйственной деятельности крестьянского двора.

Чтобы соблюсти экономические интересы всех своих членов, община держала в поле зрения вопросы опекуна, призрения престарелых, определения доли каждого члена семьи после смерти родителей или в случае семейного раздела. Мотивы «мирского» контроля и регулирования могли варьироваться, но на одном из первых мест стояло желание избежать обеднения и разорения крестьянских хозяйств, так как от их экономической состоятельности зависело благополучие самой общины. Из этих же соображений она поддерживала хозяйства вдов, солдаток, а также семьи, переживавшие неблагоприятные жизненные обстоятельства (пожар, тяжелая болезнь главы семьи, падеж скота, сиротство и т. п.). Общинная помощь спасала от разорения и нищеты, но не от бедности как таковой: традиции взаимовыручки и поддержки позволяли сохранять минимальный уровень существования, платить налоги, избегать окончательного хозяйственно-экономического краха, но не процветать. Общине было невыгодно как разорение ее членов, так и их чрезмерное обогащение.

Серия фольклорных произведений малого жанра демонстрирует амбивалентное отношение народа к состоянию бедности. Пословицы «Гольык муртлэсь марзэ басьтод?» (С голодранца что возьмешь?), «Ньепед ке тырттэм, попед но пельтэм» (Карман пустой, так и поп глухой), «Начар муртлэн улэмез — дукъялэн лыс сиемез» (Жизнь бедняка, что жизнь глухаря, питающегося хвоей) содержат в себе долю пренебрежительности по отношению к бедноте, которая воспринимается обществом как слой социальных инвалидов. В то же время ряд кратких изречений типа «Куанер жалялоз, узыр серекъялоз» (Бедный пожалеет, богатый посмеется), «Куанер муртлэн скулмыз каньыл» (У бедняка душа добра) акцентирует внимание на человечности и нравственности именно бедных слоев деревенского социума.

Развитие и утверждение капиталистических отношений усилили поляризацию сельского сообщества. За счет размывания слоя середняков более зримо стали оформляться контуры групп бедняков и богатых (на рубеже XIX—XX вв. среди удмуртских хозяйств насчитывалось 24,5 % бедных дворов, среди русских — 56,0 %)⁶. Но в целом замедленные темпы социально-экономического развития удмуртского общества обусловили его относительно слабую социальную дифференциацию. Характерной чертой среднестатистической удмуртской деревни был достаточно высокий удельный вес средних и состоятельных хозяйств. Следствием этого явилась смазанная картина экономической стратификации и социального противостояния, что предопределяло ориентацию основной массы крестьян на общинные порядки в производ-

ственных и общественных отношениях.

Капиталистическое рекрутирование слоя бедных было приостановлено Октябрьской революцией 1917 г.: к середине 20-х гг. XX в. слой бедняков в удмуртской деревне сократился до 18,5 %⁷. В последующие годы о бедности как о социальном явлении уже не было принято говорить, подразумевалось, что советское общество с ним покончило. Объективно в этот период материальное благосостояние людей повышалось, за исключением военных и послевоенных лет.

Экономическая политика постсоветского времени положила начало новой социальной поляризации российского общества, в результате которой образовались тонкий слой богатых и обедневшее большинство, разрыв между которыми продолжает углубляться. Под понятием «бедность» по-прежнему подразумевается отсутствие возможностей для обеспечения необходимых жизненных условий. Считать при этом, что неудовлетворенные потребности завышены, оснований нет. Это, скорее, заниженные потребности, отражающие уровень физического и социального выживания.

Удмуртский этнос, не сумевший вовремя сориентироваться и выработать механизмы быстрой адаптации к процессам модернизации и реформирования общества, понес более ощутимые потери, что позволяет предположить, что процесс обеднения затронул его глубже и отразился более болезненно на его психологическом самочувствии. Сельское население республики, которое более чем на 53 % представлено удмуртами, спасается от угрозы обнищания за счет самоэксплуатации, частичной натурализации хозяйств, сетевого партнерства, деревенской взаимопомощи, эпизодических «рейдов» в рыночную экономику, неправовых форм добычи средств существования.

Примечательной особенностью современной бедности является нарастание ее масштабов за счет трудоспособной части общества. На фоне традиционной бедности неполных и многодетных семей, инвалидов и престарелых сформировался новый слой — работающих бедных, которые не могут обеспечить себе социально приемлемый уровень благосостояния из-за низкой заработной платы и хронических задержек ее выплаты⁸. Сильнымотягчающим положение сельских жителей фактором стало почти массовое злоупотребление алкоголем.

В отношении вероятности изменения экономического статуса в сторону обеднения сельское сообщество находится в зоне повышенного риска. Наиболее уязвимы дети и пенсионеры, многодетные семьи, безработные, люди без специального образования. Именно эти социальные группы вносят наибольший вклад в бедность. Для них характерны неполноценное, однообразное питание, дефицит одежды и обуви, плохие жилищные условия, отсутствие какой-либо недвижимости, личного автотранспорта, невозможность пользоваться платными медицинскими и образовательными услугами и т. п. Следует также отметить тот факт, что современная бедность — это не всегда голод и безысходная нужда. Очень часто за этим понятием кроются трагическое осознание

Çàæèòí-íàÿ óäíóðòòñàÿ ñàíüÿ.
Óíóíàðàòèÿ Ì. Àññàáüáàà. Íà-àèí ÓÓ à. ÍÐËË

своей неполноценности, ощущение неравенства и утраты надежд на какие-либо перспективы в жизни: «На что мне еще надеяться в этой жизни? Видишь ведь, дом старый, амбар вот-вот развалится, крыша вся сгнила. Я пенсионерка, ни сил, ни денег на ремонт нет. Дети в городе, материально помочь не могут, ладно хоть по огороду помогают»⁹.

Богатство в традиционном обществе ассоциировалось с многоземельем, значительным поголовьем скота, добротным сельскохозяйственным инвентарем и техникой, крепкими надворными постройками, использованием наемной рабочей силы (временной/сезонной или постоянной), выдачей ссуд под проценты, арендой дополнительных земель, торговлей и предприимчивостью. Г. Е. Верещагин о зажиточном удмуртском хозяйстве писал следующее: «...за уплатою податей и довольствованием семьи, имеет в запасе сотню, другую, третью наличных денег, да и муки и жита в закромах на сотню-другую рублей, да скирд около десяти, рублей на 500. Такой двор ни частным лицам, ни в волостную вспомогательную кассу денег не должен: напротив, ему должны недостаточные и бедные дворы. Скота имеет всегда достаточное количество. Стол его из лучших, если он не скряга. Особенно присутствие средств выражается количеством скирд хлеба, лучшими лошадьми, хорошей сбруей и чистой одежды». По мнению исследователя, по экономическим параметрам к социальной группе богатых дворов были близки дворы «достаточные»: они «имеют в запасе деньги — десятки рублей и несколько скирд в полях... недостатка ни в рабочих лошадях, ни в другом скоте нет. Лошадей, сбрую имеют наравне с зажиточными. Долгов нет. Семья лучше питается, чем у недостаточных и бедных. Вообще, достаточный двор от зажиточного мало отличается»¹⁰.

Существовало стойкое убеждение, что богатыми обычно бывают трудолюбивые семьи с большим количеством рабочих рук: «Уж дорын — байлык» (Богатство в труде), «Узырмемед ке потэ, ужаны кулэ» (Хочешь разбогатеть, трудись). Фольклорный материал позволяет проследить связи между богатством и бережливостью, богатством и прижимистостью, даже скупостью: «Кышъяса нуллон — зарни улон» (В заплатках ходить — во злате жить), «Узыр муртлэсь чиньызе вандыса но вир уз поты» (У богатого даже из порезанного пальца кровь не побежит). Уже с XVII в. удмурты достаточно хорошо поняли силу и власть денег, наличие которых также связывалось с богатством. С развитием капиталистических отношений, расширением торговых связей денежная состоятельность приобрела еще большую значимость и под богатством в первую очередь стало подразумеваться наличие свободных денег. Произошли серьезные изменения и в психологии крестьянства: если раньше богатство не особенно афишировалось, то теперь внешние признаки зажиточности стали престижным явлением (хорошая сбруя и упряжь, строения и т.д.). К демонстративным признакам богатства относились также предметы быта (самовар), дорогая одежда (справный тулуп), покупная посуда. По-прежнему одним

из существенных показателей хозяйственной состоятельности считались хлебные запасы: «на черный день» всегда старались иметь как можно больше скирд хлеба. На многочисленные клады удмуртов обратили внимание еще дореволюционные исследователи, а русские земледельцы о них отзывались весьма образно: «Вотские кабаны уже поседели от старости и сгорбились»¹¹.

В основной массе народа отношение к богатству, как и к бедности, было довольно противоречиво: каждый хотел стать богатым, но уважением в обществе пользовались только те, кто добыл его праведно, собственным трудом. Не жаловал сельский мир богатых общинников, известных жадностью и стремившихся нажиться на нужде односельчан: «Узыр муртэн эн кушласькы: кырымен сётос, пудовкаен кыскоз» (Не связывайся с богатым: даст горсточку, потребует пудовку).

В целом в традиционном удмуртском обществе не успел сложиться более или менее значительный слой людей, владевших большими богатствами и имевших возможность широкой эксплуатации соплеменников. Немногочисленный капитал в основном накапливался за счет ростовщичества, посреднической торговли и лишь в малой степени — на основе промышленного, как правило деревообрабатывающего, производства или торговли лесом.

Экономическая политика советского времени, направленная на установление всеобщей уравнительности, препятствовала социальной поляризации общества и в идеале даже не предполагала выделения социальной группы богатых. В качестве общепринятой нормы оставались усредненные показатели роста «материального благосостояния всех советских людей». Тем не менее самосознание сельских жителей всегда фиксировало некоторый набор предметов быта, средств передвижения и пр., которые связывались в общественном мнении с понятием «богатство». Обычно к ним относились телевизор, стенка, мягкая мебель, мотоцикл (автомобиль символизировал скорее роскошь, нежели богатство), добротные жилые постройки.

Постперестроечный и постсоветский периоды, ознаменовавшиеся переходом к рынку и психологии индивидуализма, привели к общему ухудшению материального, финансового, хозяйственно-экономического положения основной массы удмуртского этноса. Говорить о том, что в его недрах идет процесс накопления больших богатств, не приходится. Возможно, именно поэтому вопрос «Есть ли в вашей деревне богатые семьи?» часто заставлял респондентов врасплох. Почти все они (независимо от уровня жизни, материального достатка) затруднялись с ответом и предпочитали оперировать понятиями «умой/зол улисьёс» (хорошо/крепко живущие) и очень редко — «узырьёс» (богатые). И ни одна семья, о которой респонденты отзывались как о зажиточной, крепкой, богатой, не признала себя таковой! Лишь очень немногие соглашались с тем, что они имеют достаток выше других односельчан, но непременно подчеркивали, каких трудов им стоил/стоит этот достаток, добытый за счет самоэксплуатации в личном подворье, занятия фермерством

или предпринимательской деятельностью. Весьма примечательным был ответ одного из респондентов на вопрос «Можно ли людей в деревне разделить на богатых и бедных?»: «Нет. Я бы сегодня разделил людей в деревне на работающих и бездельников. Стартовые условия у всех были одинаковые, и сегодня одинаковые у всех. Вчера был разговор с женщинами, напомнил им, что весной советовал взять телят, никто не захотел. Привел им другой пример: в нашей же деревне семья (оба зарабатывают неплохо) выращивают чеснок, который сдают в колбасный цех, нынче уже тысяч 10 заработали. В прошлом году взяли участок, посадили свеклу, сдали на 15 тысяч. Вот я и говорю женщинам: «Что вам мешает это делать? Вам, что, 15 тысяч лишние? Вы просто не хотите работать!»¹² Еще один пример: «Произошло расслоение общества: тот, кто хочет чего-то добиться, — добьется, если будет работать, а если человек плывет по течению, он и приплывет, как у Горького, «на дно»¹³.

И все же когда в народе про кого-то говорят «соос узыресь» (они богатые), обычно имеют в виду, что «у них» есть некоторый набор материально-вещных единиц, обеспечивающих, по сельским меркам, независимое от случайностей внешней среды жизнеобеспечение и функционирование семейного коллектива. К критериям богатства обычно относятся добротные надворные постройки, в первую очередь дом (часто двухэтажный в кирпичном исполнении), «городская» обстановка внутри жилища (бытовая техника, мебель, ковры и пр.), автомобиль, мо-

тоцикл, набор сельскохозяйственной техники. Если двор имеет трактор, то он действительно «богат»: «У многих есть свои тракторы, копалки, косилки, другая техника. Им хорошо — они зарабатывают на этой технике. Это крепкие, хозяйственные мужики»¹⁴.

Для сильного хозяйства обычно характерны большое количество скота (обязательно — корова, теленок, в отдельных хозяйствах — лошадь), домашней птицы, обширный участок земли. В такой семье взрослые члены имеют высокий, по сельским меркам, заработок (обычно исчисление начинается с суммы, превышающей 10 тыс. руб.) и стабильно его получают, «приращивая» прибыль за счет сбыта продукции с личного подворья и потому не испытывая денежных проблем.

Надо особо отметить, что в перечне предметов, символизирующих богатство, сельские жители практически не называют такие престижные и дорогие предметы, как домашний кинотеатр, посудомоечная машина, кондиционер, импортные тренажеры, видеокамера. Похоже, в глазах сельского социума приобретение подобных вещей в принципе не актуализировано и владение ими едва ли воспринимается как жизненно и социально значимый дифференцирующий фактор в стилях потребления. Наличие иномарок зафиксировано в некоторых семьях руководителей сельскохозяйственных производственных кооперативов или в семьях, где хотя бы один человек работает в нефте- или газодобывающей отрасли производства. Компьютерная техника имеется как в вышеназванных семьях, так и у работников бюджетной сферы, в первую

очередь учителей, работников культуры, и массово отсутствует у рядовых работников сельского хозяйства.

Преобладающее число респондентов в беседах о крепких, зажиточных хозяйствах непременно акцентировали внимание на том, что члены таких семейств, особенно дети, имеют лучшие возможности для самореализации в разных областях жизни. Они могут получить хорошее образование и престижную работу, начать собственный бизнес. При этом подразумевалось, что подобные жизненные практики будут разворачиваться в городе, а не в деревне, что у состоятельных родителей для обустройства детей имеется гораздо более широкий спектр ресурсов (материальных, финансовых, социальных и пр.), чем у бедных.

Преобладающая часть сельчан убеждена, что честным, праведным трудом в современных условиях стать богатым практически невозможно. Это мнение тем более упорно, что становление нового слоя зажиточных/богатых людей происходило на их глазах. Он формировался в первую очередь из бывших руководителей и специалистов хозяйств, имевших доступ к общественным ресурсам, владевших административным, профессиональным,

образовательным или иным социальным капиталом. К категории достаточных, крепких хозяйств сельчане также относят семьи фермеров, нефтяников, работников бюджетных организаций.

Сельчане вынуждены мириться с присутствием в их сообществе состоятельных фермеров, но отношение к ним достаточно амбивалентное. Толерантность в первую очередь адресована фермерам «новой волны», заложившим фундамент собственной успешности не за счет льготных кредитов и других видов государственной помощи, а личным трудовым напряжением. Уважением пользуются главы крестьянских фермерских хозяйств, не дистанцирующиеся от остального деревенского «мира», оказывающие материальную или финансовую помощь местной школе или учреждению культуры.

В целом социальный портрет богатого в общественном сознании сельских жителей классовой ненависти не пробуждает, но чувство зависти и осуждения вызывает несомненно, особенно со стороны тех, кто не сумел адаптироваться к изменившимся условиям и считает себя незаслуженно обделенным. Поляризация семей по состоятельности меняет психологическую атмосферу внутри

сельского социума, в целом ухудшая ее. Во время экспедиции к удмуртам Пермского края автору довелось услышать любопытное изречение о разбогатевших односельчанах, относящихся к остальным (особенно не очень состоятельным) достаточно пренебрежительно, свысока: «Пень кудыысь пызь кудые усизы» (досл.: Из лукошка с золой упали в лукошко с мукой)¹⁵.

Категория сельчан среднего уровня достатка готова согласиться с тем, что богатыми становятся люди незаурядные, вкладывающие в свое хозяйство неограниченное количество труда и энергии, без оглядки на время и здоровье: «Богатыми становятся трудолюбивые. Кто работает, к чему-то стремится, тот в деревне сможет выжить»¹⁶.

О богатстве обе стороны — и бедные, и богатые — отзываются почти единодушно: все это относительно и даже временно (по принципу «от сумы и тюрьмы не зарекайся»). Сближает их и одинаковое отношение к сегодняшнему состоянию страны. Представители обоих слоев считают, что институты гражданского общества слабо развиты и практически не участвуют в решении тех или иных экономических проблем, отдавая предпочтение этнополитическим или сугубо этнокультурным вопросам. Государство по-прежнему остается главным адресатом, к которому, как считают сельские удмурты, следует обращаться за защитой своих прав и интересов. Но в повседневных практиках население все больше ориентировано на самостоятельное решение своих жизненных проблем и обустройство ближайшего социального пространства. Протестные настроения, связанные с тяжелыми условиями жизни, присутствуют только в вербальной форме, а реальные усилия направлены на приспособление к условиям изменившейся и перманентно нестабильной внешней среды.

Самосознание современных бедных относительно своего состояния носит практически фаталистический характер («ничего не изменить в этой жизни»). О богатстве других они склонны отзываться скорее негативно, хотя не могут не признавать того, что богатые трудятся намного больше, чем они, не злоупотребляют алкоголем, имеют много рабочих рук и т. д. Среди бедных все больше растет убеждение, что их детям вряд ли удастся получить качественное образование. Поляризация населения породила негативную для всего общества тенденцию застойной бедности и ограничения притока талантливой молодежи в вузы, что со временем скажется на качестве рабочей силы в высокотехнологичных отраслях экономики. Для психологического состояния бедных характерно постоянное ощущение несправедливости всего происходящего, невозможности получить какую-либо поддержку со стороны.

И богатым, и бедным присуще переживание чувства страха. Самое большое опасение во всех слоях вызывает потеря собственного здоровья или здоровья своих близких. Но в целом «плотность» страхов у бедного слоя заметно выше, и связаны они с ростом цен на продукты питания, перспективой потери работы, невозможностью получить медицинскую помощь в случае острой необходимости, обеспечить достойное будущее детям и др.

Г. Е. Верещагин среди всех прочих категорий крестьянских хозяйств деревни Ляльшур дал характеристику дворам, находящимся в состоянии крайней бедности: «Лошадей они не имеют. В хлебе у них вечный недостаток, и потому перебиваются изо дня в день то попрошайничеством, то работают на зажиточных, а в неурожайные годы собирают милостыню. Хлеба сеют мало. Они свой надел отдают члену другой общины с обязательством уплатить подати»¹⁷. Можно сказать, что автор описал хозяйственное состояние маргиналов: они не нищенствовали в строгом смысле этого слова, но не относились и к числу хозяйств, экономической базой существования которых был земледельческий труд. В неблагоприятных ситуациях такие дворы «выбрасывали» членов своих семей «на улицу» и те пополняли ряды нищенствующих. При этом нищенство становилось для них или постоянным занятием, или периодическим, о котором как раз писал Г. Е. Верещагин.

Некоторые дореволюционные источники свидетельствуют о том, что среди удмуртов нельзя было встретить нищенствующих — ни детей, ни стариков, — так как призрение сирот, а также слабых, маломощных членов своего сообщества «мир» всегда держал под постоянным вниманием. Чтобы предотвратить их полное разорение, община предоставляла «пропитание», учреждала опеку, прикрепляла «на содержание к родственникам». Побуждали к подобным действиям традиции добрососедства, связи родства и свойства, но на первом месте стояли интересы фиска, так как общине было крайне невыгодно разорение податных единиц в виде индивидуальных крестьянских дворов. В противном случае тяготы по уплате налогов вынуждена была бы за них нести сама община.

Развитие капитализма внесло свои коррективы в «мирскую» жизнь. Традиции взаимопомощи и поддержки хотя и медленно, но неуклонно подтачивались проникающей городской (заводской) психологией индивидуализма и накопительства, рост народонаселения вел к малоземелью, истощению плодородия земель — к недородам и оскудению хлебных запасов, рост цен — к неплатежеспособности. В деревне увеличивалось число людей, балансирующих на грани бедности, из числа которых рекрутировался слой профессиональных нищих. В конце XIX в. в Сарапульском уезде было зафиксировано 22 нищих удмурта. В Глазовском уезде в 1892 г. насчитывалось 2 945 человек, занимающихся сбором подаяний¹⁸. Состояние нищенства было одной из пугающих перспектив для земледельцев, прекрасно осознававших беспросветность и бесправность людей, вынужденных прибегнуть к этому способу существования. В народе говорили: «Кураськыса ветлонлэсь кулон ьеч» (Лучше умереть, чем по миру ходить), «Курисьлэн тыбырыз кокыр, сётисьлэн нырыз чатыр» (У просящего спина согнута, у дающего — нос задран). Отношение к нищим в целом было терпимым, отказ в подаянии, особенно детям, старикам и больным, в народе осуждался: «Кураськысы сётыса уд квълмы» (Подав нищему, не обеднеешь).

Наши полевые материалы не дают оснований утверждать, что сегодня в удмуртской деревне есть

нищие в их «классическом» варианте: здесь пока никто не занимается профессиональным сбором подаяний, нет бездомных, бродяг, как и людей, не имеющих домашнего имущества, хозяйственных построек, приусадебного участка. Парадоксальность сельских реалий заключается в том, что на упоминавшийся уже выше вопрос о богатстве нередко доводилось услышать эмоциональное: «Да мы все здесь нищие, о чем вы спрашиваете, о каком богатстве?» Можно лишь догадываться, что в таких случаях ответы респондентов диктовались осознанием величайшей несправедливости по отношению к земледельческому труду и его результатам, сельскому образу жизни и общему обустройству сельской инфраструктуры, т. е. субъективным ощущением чувства нищеты. В целом же реалии сельской повседневности пока не позволяют говорить о том, что удмуртская деревня является «поставщиком» нищих.

Что касается уровня крайней бедности, то ее, по единодушному мнению сельчан, испытывают семьи, в которых взрослые из-за склонности к пьянству не имеют стабильной работы, а соответственно и постоянных источников существования: «Я бы не сказала, что народ в деревне нищенствует. Совсем бедно живут те, кто нигде не работает, пьет. Пьют и женщины, и молодые. Может быть, и раньше пили, но втихаря, а сейчас несколько не стесняются, все на виду»¹⁹.

Ряды подобных семей часто пополняют одинокие мужчины, нередко с криминальным прошлым, разведен-

ные или никогда не имевшие своей семьи, не желающие не только работать, но даже обрабатывать собственные приусадебные участки. Источниками существования для таких индивидов становятся полукриминальные и криминальные практики (например, кража цветных металлов, горючего и пр.), подработка в хозяйствах пенсионеров (огород вскопать, дрова расколоть и др.), в летний период — сбор ягод и грибов, ловля рыбы и сбыт их односельчанам. Многие из них паразитируют на престарелых родителях, особенно матерях-вдовах: «...человек 20 неженатых — от 18 до 40 лет, некоторых мужиков матери кормят, а кто за них замуж выйдет?»²⁰ или: «В четырех семьях в нашей сельской администрации взрослые пьют, нигде не работают. Даже огороды свои наполовину обрабатывают. Иногда, правда, идут к пенсионерам — колют им дрова или что-то другое делают. Некоторые в Алнашах находят подработку у частных предпринимателей на разгрузке»²¹. Думается, что для этого слоя маргиналов угроза нищенства в ухудшившихся социально-экономических условиях может обрести вполне реальные очертания, так как им практически чуждо то, за счет чего выживает большая часть сельского сообщества, — самозанятость и самоэксплуатация (хотя бы в личном подсобном хозяйстве).

В традиционном обществе крайняя нужда, граничащая с нищетой, часто воспринималась как явление, достойное сочувствия (по принципу «бедность — не порок»). Современное сельское сообщество также склонно понять бед-

ность в случае, если речь идет о многодетных или неполных семьях, семьях с высокой нагрузкой иждивенцев. Они не могут обеспечить себе социально приемлемый уровень благосостояния в силу объективных причин — длительной безработицы на территории проживания, невозможности приработков, низкого уровня оплаты труда в местном хозяйстве, болезни взрослых членов семьи: «Женщинам-одиночкам с детьми сложнее всех приходится. Мы помогаем, как можем: обеспечиваем фуражом, стараемся зарплату выплатить. В магазине могут в долг приобрести продукты»²². Сочувственное отношение вызывают лишения одиноких пенсионеров и инвалидов, получающих жалкие государственные социальные пособия. Но к бедности, вызванной отсутствием жизненных ценностей, аддиктивным (от англ. addiction — пагубная привычка, порочная склонность) или иными формами девиантного поведения, общественное мнение настроено категорично: «В бедняках сегодня те, кто полностью деградировал: они не хотят работать в поте лица ни в колхозе, ни у себя дома»²³.

Подводя итог предварительному, далеко не исчерпывающему этнографическому анализу, можно сказать, что интерпретация социального неравенства в современной удмуртской деревне происходит на основе множества критериев, достаточно субъективных по своему характеру. Сельский социум переживает негативный процесс социально-психологической поляризации, но определение четкой черты между богатством и бедностью пока еще во многом зависит от собственного самоощущения, т. е. богатым или бедным считает себя респондент по уровню и образу жизни: «Можно и с меньшей, чем у нас, зарплатой жить, а можно и с большей. Может быть, в сравнении с кем-то мы живем лучше, а с теми, кто по тысяче долларов зарабатывает, мы вообще нищие»²⁴.

Внутренняя социальная стабильность удмуртского сельского социума поколеблена, но оформление социальных слоев еще не завершено. По отношению к «внешнему миру» (например, к городу) и «власти» сельские удмурты позиционируют себя как единое целое, скрепляемое общим недовольством государственной аграрной политикой и складывающейся социальной ситуацией в деревне.

Ключевые слова: бедные, богатые, нищие, традиционное и современное общество, массовое сознание, самооценка, эволюция представлений.

Примечания

- 1 Андреев А. Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 38.
- 2 См. об этом подробнее: Тихонова Н. Е., Давыдова Н. М., Попова И. П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Там же. 2004. № 6. С. 120—130.
- 3 Беляева Л. А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Там же. 2005. № 12. С. 58.
- 4 Верещагин Г. Е. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. Этнографические очерки. Кн. 1. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда. Ижевск, 1998. С. 38.
- 5 Здесь и далее фольклорные материалы приводятся по: Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы, поговорки / сост. Т. Г. Перевозчикова. Устинов, 1987.
- 6 Вахрушев А. Н. Социально-экономическое положение крестьян Удмуртии в пореформенное время и развитие капиталистического производства в деревне // Очерки истории Удмуртии в XIX в. Ижевск, 1996. С. 151.
- 7 Савостьянов И. И. Народное хозяйство Вотской автономной области за 10 лет // Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. Ижевск, 1928. С. 15.
- 8 Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 16.
- 9 Не архивированные полевые материалы автора (2008 г.), информант — Л. А. Корепанова, 1927 г. р., д. Л-Ворцы Игринского района УР.
- 10 Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 82—83.
- 11 Никитина Г. А. Сельская община-бускель в пореформенный период (1861—1900 гг.). Ижевск, 1993. С. 34.
- 12 НОА УИИЯЛ УрО РАН (Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН). Рф. Оп. 2-Н. Д. 1331а. Л. 27.
- 13 Там же. Д. 1499. Л. 16.
- 14 Там же. Л. 5.
- 15 См. об этом: Никитина Г. А. Удмурты за пределами Удмуртии: ресурсы выживания в условиях постсоветских трансформаций // Диаспоры Урало-Поволжья: материалы регион. науч.-практ. конф. (Ижевск, 28—29 октября 2004 г.): сб. ст. Ижевск, 2005. С. 38—43.
- 16 Там же. С. 18.
- 17 Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 83.
- 18 Мартынова М. М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX в. Ижевск, 1981. С. 41.
- 19 НОА УИИЯЛ УрО РАН. Рф. Оп. 2-Н. Д. 1457. Л. 3.
- 20 Там же. Д. 1499. Л. 10.
- 21 Там же. Д. 1331. Л. 6.
- 22 Там же. Д. 1331а. Л. 31.
- 23 Там же.
- 24 Там же. Д. 1456. Л. 17.

Поступила 05.09.2008